

ИЗ ДИНАСТИИ БЕСПОКОЙНЫХ

Секретарь партбюро Ю. Васильев: Случись несчастье, он самый надежный. Никогда не пойдет на сделку с совестью.

Заместитель директора И. Шепелевский: Каждый человек театра должен вовремя позаботиться о смене. Я горжусь Борисом, верю в него, надеюсь на него.

Главный режиссер театра А. Соколов: Удивительно обаятельный человек, серьезный работник, золотые руки. Великолпно умеет разговаривать с людьми. Всегда спокоен.

Н. Куневич, бывший машинист сцены, отец Бориса: Уважают его, конечно, потому что всегда слово умеет держать, а это ведь превыше всего. Только иной раз торопится сделать все сам, где надо бы людей организовать. Учиться еще надо — в театре повышать квалификацию можно всю жизнь...

Г. Куневич, мать Бориса, бывший реквизитор: Пока рос, ни от кого на него жалоб не было. Из армии только благодарности, там и в партию вступил. Все они у меня хорошие, все семеро, все работу любят. Да я и сама знаю: когда на гастролях десять пульмановских вагонов театрального хозяйства и ни одного листочка, ни одной дощечки не потеряно, все на своем месте, чего уж лучше. А все он, Борис. Только вот жена на него обижается — дома мало бывает, все в театре да в театре...

Все эти слова сказаны об одном человеке — заведующем постановочной частью Свердловского драматического театра Борисе Николаевиче Куневиче. И не случайно, видимо, каждый, с кем доводилось мне разговаривать о Борисе, добавлял: напишите о нем, обязательно напишите обо всей их семье — это ведь редкость.

Театральная династия Куневичей — не актерская. Это династия театральных рабочих, в которой дорожке всего ценятся пре-

данность театру и умение делать все, что нужно для спектакля, своими руками.

Глава династии Николай Афанасьевич в начале тридцатых годов был строителем Уралмаша. Через весь город, как многие свердловчане, ходил пешком на работу и гордился своей стройкой. Но случилась беда — потерял глаз и, когда вышел из больницы, по первому же объявлению зашел в театр. Не знал тогда, что здесь пройдет почти тридцать лет его трудового стажа, что здесь найдут свою судьбу все его семеро детей.

Годы и годы отдадал театру жена Николая Афанасьевича Галина Ефимовна — реквизитор; брат Александр — машинист сцены, сестра Софья — техничка, а им на смену пришло новое поколение: только что переехал в другой город отличный бутафор, сын Николай — зовет парня мечта стать актером; служит машинисткой дочь Лидия — Лилечкой зовут ее все в театре, а Борис всем цехам голова — заведующий постановочной частью. И так уж сложилось, что когда в театре трудно — не хватает рабочих или срочно требуются особенно надежные люди, на помощь зовут прежде всего кого-нибудь из Куневичей.

От квартиры Куневичей до проходной театра было не больше семи шагов. Но сколько значили они! Театр, такой близкий, никогда не становился для сыновей машиниста сцены доступным, как, скажем, дом. Святое почтение к нему отец воспитывал в сыновьях своим отношением к делу, к актерам, которые очень любили заглянуть в тесную комнатку Куневичей, согреться чайком, горячий картошкой. И хотя без разрешения отца нельзя было прийти в цех, тем более тронуть что-нибудь из театральных дирижиров, которые волшебным образом оживали на сцене, ребята своей готовностью помочь с детства стали своими за

кулисами, под сценой, на колосниках. Они знали назначение каждой веревки и штанкета, и в то время как иные мальчишки хвастались знанием машин, они могли бы поделиться своими неведомыми никому знаниями театрального хозяйства. Только хвастовство, как, впрочем, и другие мальчишеские страсти вроде драк, споров и зуботычин, было в семье не только не в почете, а просто наказывалось.

Потом, став взрослым, Борис Куневич работал на мебельной фабрике. Краснодеревицк пятого разряда — не каждому рабочему удается достичь такой высокой квалификации. Но театр тянул к себе... Когда собирались всей семьей, то ни о чем другом, кроме театра, и не говорили. К тому времени старшие братья — Юрий и Геннадий уже работали в театрах: один — в Кермеве, другой — в Архангельске; отличным бутафором стал младший, Николай... И вот настал день, когда и за Борисом пришли из театра — приглашать на должность завпоста. Борис почти не колебался, ждал только совета отца.

— В зарплате ты, конечно, крепко теряешь, — сказал старший Куневич, — во времени тоже. Да и легко не будет: голубомойка каждый день — такая должность. Но ведь театр... Этим было сказано все.

В свою работу старается внести Борис Николаевич упорядоченность, ритмичность, слаженность, которой научился на производстве. Начал с малого — с чистоты, с аккуратности, с механизации особенно трудоемких работ. Приходил в цех ровно в восемь, вместе с рабочими, хотя по расписанию его рабочий день — с девяти. Был рядом с людьми на сложных спектаклях, вставал на рабочее место, когда группа монтировщиков уезжала на выездной спектакль.

Есть люди, для которых трудовая дисциплина — это такое же прочное свойство характера, как чувство времени, чувство долга, ответственности. Где бы они ни работали, подходя к своему делу творчески, они сами организуют свой день, добровольно продлевая его настолько, насколько нужно для дела. Борис Николаевич — из таких людей. Он, кажется, всегда в театре. С утра — в цехах: надо, чтобы все мастерские были обеспечены работой, надо наладить ломкий график творческих заявок созда-

телей спектаклей. Днем — на репетициях выпускного спектакля, где в любую минуту может потребоваться его вмешательство, а вечером очень часто — на спектакле...

— От людей не потребуешь, если себе в чем-то даешь поблажку, — это принцип Бориса Николаевича. И к его требованиям относятся с большим уважением, потому что они всегда справедливы.

Недавно состоялась премьера спектакля «У времени в плену», посвященного XXIV съезду партии. Спектакль сложный, поэтому монтировочные и световые репетиции шли параллельно с актерскими, а возле своеобразного пульта управления всегда были трое — режиссер, художник, завпост.

Коммунисты театра не ошиблись, избрав Б. Куневича в партбюро и поручив ему сложный производственный сектор. Личным примером, отношением к делу он день ото дня улучшает закулисное хозяйство театра. И даже такой факт, как снижение текучести рабочих кадров в театре, — это тоже его заслуга. Изменились и старые театральные мастерские — появились удобные шкафы для одежды и инструмента, каждой вещи нашлось свое постоянное место. По-иному зазвучали слова об экономике: завпост точно знает, сколько материала нужно на каждый костюм, пару обуви...

Три года — не такой уж большой срок для освоения сложных функций заведующего постановочной частью. Борис Николаевич сумел за это время стать необходимым человеком в театре, к которому идут за советом, за разрешением спора, за выдумкой...

Заканчивается вечерний спектакль. Пустеет зал, и толпятся в фойе зрители, с любовью рассматривая развешанные по стенам фотографии знакомых актеров. А почему бы не поместить здесь и большую фотографию театральной династии Куневичей, семьи, в которой нет человека, не отдавшего театру свое сердце, мысли и годы?.. Несправедлива по отношению к ним скромная газетная рубрика «О тех, кого не видит зритель». Пусть видит!

Г. ВЛАДИМИРОВА,
соб. корр. «Советской культуры».

СВЕРДЛОВСК.

Х 1 АИР 1974

ТЕАТРАЛЬНАЯ ДИНАСТИЯ КУНЕВИЧЕЙ

Москва